

РЕНЕССАНС ИДЕОЛОГИИ: РАЗМЫШЛЕНИЯ НА ПОЛЯХ ВСЕРОССИЙСКОГО СИМПОЗИУМА

В.В. Журавлев

Аннотация. 20–21 августа 2020 г. в онлайн-формате состоялся Всероссийский симпозиум «Идеология: ревитализация концепта в исторических исследованиях», организованный Южным федеральным университетом, Национальным исследовательским Томским государственным университетом и Институтом истории Сибирского отделения Российской академии наук. Организаторы и участники сочли необходимым в условиях «ренессанса идеологии» в социальной и интеллектуальной практике обсудить актуальное состояние данного концепта в научно-историческом исследовательском процессе. Участники выступили с 14 докладами, представленными на трех сессиях: «Рождение концепта “идеология” в интеллектуальной ситуации “долгого XIX века” (1789–1914)», «Между “доктриной” и “дискурсом”»: идеология в политических практиках и научных интерпретациях “короткого XX века” (1914–1991)», «“Ренессанс” концепта идеологии на рубеже XX–XXI веков». Участники симпозиума уверены, что концепт «идеология», никогда полностью не исчезавший из исторического лексикона, но сохранявшийся в ущемленном статусе реликта, сегодня переживает ренессанс как в общественной практике, так и в научно-историческом нарративе. Итогом симпозиума стала фиксация еще одного шага к оформлению в современных исторических исследованиях подхода, который может быть обозначен как *New Ideological Studies*.

Ключевые слова: идеология, концепт, исторические исследования, ревитализация, симпозиум.

Журавлев Вадим Викторович, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института истории Сибирского отделения Российской академии наук, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8; доцент кафедры отечественной истории Гуманитарного института Новосибирского государственного университета, 630090, г. Новосибирск, ул. Пирогова, 1, vvzh@mail.ru.

RENAISSANCE OF IDEOLOGY: REFLECTIONS ON THE FIELDS OF THE RUSSIAN SYMPOSIUM

V.V. Zhuravlev

Abstract. On August 20–21, 2020, the Russian Symposium “Ideology: Revitalization of the Concept in Historical Research” was held online, organized by the Southern Federal University, the National Research Tomsk State University and the Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. The organizers and participants considered it necessary, in the context of the “renaissance of ideology” in social and intellectual practice, to discuss the current state of this concept in the scientific and historical research process. Participants made 14 reports presented at three sessions: “The birth of the concept of “ ideology” in the intellectual situation of the “long XIX century” (1789–1914)”, “Between “doctrine” and “discourse”: ideology in political practices and scientific interpretations of the “short XX century” (1914–1991)”, ““Renaissance” of the concept of ideology at the turn of the XX–XXI centuries”. The participants of the symposium agree that the concept of “ideology” has never completely disappeared from the historical vocabulary, but remained in the infringed status of a relic, and today is experiencing a renaissance both in public practice and in scientific-historical narrative. The symposium was another step towards the formalization of the approach in modern historical research that can be identified as New Ideological Studies.

Keywords: ideology, concept, historical research, revitalization, symposium.

Zhuravlev Vadim V., Candidate of Science (History), Researcher, Institute of History, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 8, Nikolaeva St., Novosibirsk, 630090, Russia; Associate Professor, Russian History Department, Institute for the Humanities, Novosibirsk State University, 1, Pirogova St., Novosibirsk, 630090, Russia, vvzh@mail.ru.

ВРЕМЯ СИМПОЗИУМОВ

В последние годы и в зарубежной, и в отечественной литературе все чаще пишут о кризисе системы научных коммуникаций, говорят даже о «смерти конференций», «смерти дискуссий» (одна из последних публикаций [Крих, 2014]). Выход из этой ситуации зачастую виделся в проведении «форумов» — сверх-крупных научных мероприятий, соотносящихся с традиционной научной конференцией примерно так же, как Олимпийские игры или спартакиада соотносятся с видовым спортивным чемпионатом. Оптимизация организационных усилий, большие возможности для привлечения средств и большой информационный резонанс делали такую форму научных мероприятий весьма привлекательной. Для гуманитарных наук примером такого рода событий стали Международный научный форум «Наследие» (2018 г., Новосибирск, более 20 мероприятий различной тематики, более 550 участников), и особенно — Петербургский исторический форум (2019, 5 пленарных заседаний, 45 секций, 17 круглых столов, более 800 участников).

Однако «черный лебедь» пандемии covid-19 поставил под вопрос саму возможность проведения мероприятий подобного масштаба. Более того, в условиях самоизоляции и удаленной формы проведения, многие традиционные конференции существенно недосчитались участников, свойственные этим формам работы недостатки еще более обострились, эффективность научной коммуникации заметно снизилась.

Тем не менее, любая подобная кризисная ситуация не только приносит очевидный урон, но и всегда открывает определенное «окно возможностей». Можно сказать, что для науки (как минимум, гуманитарной) наступило «время симпозиумов». Под симпозиумом имеется в виду форма научного мероприятия, которая отличается от традиционной конференции несколькими параметрами. Прежде всего, речь идет о концентрированной и проблемной постановке темы. Из этого следуют другие характеристики: значительно более узкий состав участников, плотная совместная работа программного комитета со спикерами над проблематикой и ракурсом раскрытия темы планируемых докладов, значительное время, выделяемое для обсуждения и дискуссии. Наконец, для исторической науки наиболее эффективным является «сборка» дискуссии вокруг вопросов использования общего или сходного теоретического и концептуального инструментария.

Именно на этих основаниях был задуман Всероссийский симпозиум «Идеология: ревитализация концепта в исторических исследованиях». Члены программного комитета во главе с его председателем, профессором Оксфордского университета **Андреем Зориным**, а также организаторы в лице Южного федерального университета, Томского государственного университета и Института истории СО РАН приложили немало усилий, чтобы воплотить в реальность этот замысел.

ОХОТА НА ФЕНИКСА

Основой инструментария исторических исследований является их научный язык. Казалось бы, концепт идеологии раз и навсегда размещен в «базовом лексиконе» социально-гуманитарного знания. Однако, его реальная история весьма причудлива. Как писал в 1999 г. философ Зигмунт Бауман, «у некоторых слов судьба страннее, чем у других. Как бы там ни было, слово “идеология” установило рекорд, который трудно превзойти» [цит по.: Зорин, 2001, с. 9].

Когда-то концепт «идеология» был порожден осмыслением опыта Просвещения и Французской революции. Пользуясь колоссальной популярностью, будучи сверхвостребованным, одновременно с этим он непрерывно подвергался жесткой критике, вызывая настойчивые попытки уточнения, ревизии и переопределения. Наконец, в ситуации провозглашенного «конца идеологий» (впервые – в 1962 г. Раймон Арон), разнообразные идеологические системы перестали восприниматься достойным объектом исследовательского интереса: их стали значительно меньше искать (и реже находить) в историческом прошлом. Участники симпозиума уверены, что концепт «идеология», никогда полностью не исчезавший из исторического лексикона, но сохранявшийся в ущемленном статусе реликта, сегодня переживает ренессанс как в общественной практике, так и в научно-историческом нарративе¹.

Вот только это возвращение может иметь двоякий характер. Оно может носить черты научной «контрреволюции», реставрации обломков понятийного инструментария и исследовательских практик XIX–первой половины XX в. Либо оно может двигаться в логике гегелевской триады «тезис – антитезис – синтез», «снимая» постмодернистскую критику современного концепта.

Для диагностики этих тонких теоретических процессов в историческом знании было решено созвать «консилиум» не теоретиков и философов, а историков, практикующих конкретно-исторические исследования, и при этом так или иначе работающих с концептом «идеология».

В рамках симпозиума было предусмотрено проведение трех сессий, каждая из которых была посвящена одному из ключевых этапов бытования концепта «идеология» в публичном и научном дискурсах. Проблематика первой сессии была сфокусирована на интеллектуальной ситуации «долгого XIX века» (1789–1914) – времени возникновения концепта и его освоения европейской культурой, в процессе которого он нередко присутствовал в «латентной» форме – будучи поименован одним из синонимов понятия «идеология».

Вторая сессия была посвящена эволюции концепта в «кратком XX веке» (1914–1991) – «веке экстремумов», по известному определению Эрика Хобсбаума. Причем естественно, что этот период и оказался внутренне неоднороден, и привлек

¹ Кстати, некоторые философы обратили внимание на эти, тогда только зарождавшиеся, тенденции более десяти лет назад [см., например: Хмылев, 2006].

особое внимание исследователей, практикующих исследовательскую оптику формирующихся *New Ideological Studies*.

Оба эти обстоятельства предопределили разделение второй сессии на два заседания. Первое было сфокусировано на том, как концепт идеологии может быть применен при изучении российской Гражданской войны, одной из эталонных составляющих эпохи «второй тридцатилетней войны» (1914–1945), которую смело можно назвать также и «эпохой идеологий». Внимание участников второго заседания было сконцентрировано на послевоенном времени (1945–1991), кризисном для всех цветших ранее идеологических систем, времени «других идеологий», в пределе выступавших в облике «деидеологизации». Предметом рассмотрения в рамках третьей сессии являлся «ренессанс» концепта на рубеже XX–XXI вв. и его место в интеллектуальном ландшафте наших дней.

Модератором первой сессии выступил **Андрей Зорин**, второй – **Александр Пученков** (Санкт-Петербургский государственный университет) и **Роман Бэкер** (Университет Николая Коперника, Торунь), третьей – **Андрей Корневский** (Южный федеральный университет).

ГЕНЕЗИС: «САМЫЕ СЛОЖНЫЕ ВОПРОСЫ В МИРЕ»

Итак, первая сессия носила название «Рождение концепта “идеология” в интеллектуальной ситуации “долгого XIX века” (1789–1914)».

Первым докладом, открывшим работу симпозиума, было выступление **Виктора Апрыщенко** (Южный федеральный университет). Предметом его внимания стал процесс институализации исторического знания в Европе в эпоху романтизма. Влияние национальных идеологий на процесс профессионализации истории, на ее становление как науки сильно недооценено. «Конфликт истории как романа и истории как науки – это одна из главных черт в формировании любой идеологии того времени», – афористично сформулировал свою ключевую мысль докладчик. Виктор Апрыщенко пришел к выводу о том, что не только для историков романтического периода изучение прошлого являлось ключевой интеллектуальной стратегией, призванной доказать неизбежность национального настоящего и величие национального будущего, но и для самих историков национальные идеологии стали фактором профессионализации их дисциплины.

Доклад **Максима Крота** (Южный федеральный университет) был сконцентрирован на вопросе о судьбе концепта идеологии в русской либеральной и консервативной мысли XIX в. Теоретическая рефлексия того времени существенно отставала от процесса формирования идей, сам термин «идеология» использовался крайне редко. Во второй половине XIX в. предпринимаются первые попытки осмысления наличных идейных систем и попытки формирования наиболее подходящей идеологии для России. Например, К.Д. Кавелин хоть и не использовал термин

идеология, но фактически описывал ее, используя близкие термины «политические учения» или «общественные направления». По мнению докладчика, термин «идеология» в XIX в. еще не был востребован российской интеллектуальной элитой, в то время как сам концепт обладал необычайной актуальностью, активно обсуждается и осмыслился.

Екатерина Болтунова (НИУ ВШЭ) предложила обсудить механику идеологического продвижения концепта «братские народы» применительно взаимоотношений Польши и России в начале XIX в. Проблема «дружбы братских народов» для России и Польши сохраняла свою актуальность на протяжении всего XX в. и не теряет ее и поныне. При этом, если мы сравним выступление Сталина на подписании договора о дружбе и взаимной помощи с Польшей в 1945 г. и манифест императора Александра I 1815 г., то заметим схожую риторику и схожие послылы: оба говорят о том, что заканчивается эра конфликтов и начинается эра дружбы между двумя славянскими народами, о славянской семье и о том, что у нас появляются новые рубежи защиты от общих врагов и т.д. Александр I неустанно повторял обществу, что на их глазах «возрождаются узы братства племен, взаимно между собой и сопряженных единством происхождения».

Судьбу другого важнейшего концепта предложил рассмотреть **Андрей Корневский**. Речь идет о знаменитой теории «Москва – Третий Рим». Важно, отметил исследователь, что до XIX в. этот концепт широко не обсуждался. Некоторых современных ученых очень смущает, что послание Филофея, в котором он называет Москву третьим Римом, в XVI в. практически нигде не упоминается. Существует точка зрения, что перед нами просто случайно найденная старцем формулировка, которая оказалась уместна и востребована в XIX в. Докладчик подчеркнул, что во второй четверти XIX в. Россия столкнулась с кризисом русского европеизма, существенным разочарованием в европейском векторе своего развития. Это побудило ее искать альтернативу европейской идентичности, что и заставило вновь обратить внимание на византийское наследие. Первым в XIX в. обратил внимание на послание Филофея С.М. Соловьев. «Это вовсе не значит, что Филофея, его послание и его мысль о Третьем Риме все забыли... Однако острой потребности в этом концепте у общества и у власти не было. Соловьев, видимо, был первым, кто обратил внимание на этот источник. Похоже, формула “Москва – Третий Рим” принадлежит именно Соловьеву, ведь у Филофея слова о Третьем Риме отнесены в целом к “царству нашего государя”, т.е. Василия III», – отметил докладчик. В 1860-х гг. наблюдается бум интереса к Филофею. В считанные десятилетия псковский инок превращается во властителя дум, гения прошлого, который прозрел осевой вектор жизни России XIX в.

Итак, можно заключить, что идеология «в долгом XIX веке» вбирала в себя наследие прежнего религиозного мышления, опиралась на эмоциональные и моральные стереотипы, существовала лишь в частично рефлекслируемых формах, и, при всем вышесказанном, в значительной мере определяла рациональные формы мышления о развитии народов и мира.

ТРИУМФ И ЗАКАТ «ЭПОХИ ИДЕОЛОГИЙ»

Вторая сессия была озаглавлена «Между “доктриной” и “дискурсом”: идеология в политических практиках и научных интерпретациях “короткого XX века” (1914–1991)».

Александр Резник (НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге) выступил с докладом «Идеология и прагматика в политической коммуникации российской Гражданской войны». Цель своего доклада он определил как постановку вопроса о способах исследования практик и институтов идеологии в годы революции и Гражданской войны в России. Проблема «идеологического» в практиках политических акторов заключается в выявлении подвижных границ прагматики и риторики, цинизма и романтизма. Докладчик, сочувственно (по крайней мере, мне так показалось) процитировал следующее высказывание А.Н. Потресова о В.И. Ульянове-Ленине: «Неистовая идеология Ленина есть лишь концентрированное, и, может быть, утрированное выражение тех чувств, которые частично бродят в головах значительной части демократии...».

Дмитрий Шевелев (Томский государственный университет) так сформулировал проблему, выносимую им на обсуждение: «Перед историками встает вопрос, существовала ли идеология белого движения в той исторической реальности, то есть в период гражданской войны или она была сконструирована более поздними поколениями последователей и исследователей. Оправдано ли вообще использование конструкта “идеология” для существовавшего тогда явления?». Антибольшевистское движение вообще характеризовалось некоторой рассредоточенностью и существенной незавершенностью. В результате, идеология антибольшевистского движения того времени фрагментарна, крайне мозаична, какие-то идеи проработаны лучше, а какие-то не проработаны вообще. Дмитрий Шевелев зафиксировал свою позицию по данному вопросу в следующей формуле: «Ценностно-смысловая основа антибольшевистского движения не была зафиксирована в конвенциональных для всех ее сторонников канонических текстах, а оказалась рассеяна по множеству политических деклараций, воззваний, публицистических статей и пропагандистских брошюр, представляя собой несколько конкурирующих и взаимодополняющих дискурсивных потоков». Тем не менее, она определенно существовала и, соответственно, может быть реконструирована.

Следующий доклад представил **Вадим Журавлев** (Институт истории СО РАН, НГУ). Зачастую понятия «идеология» и «доктрина» совершенно необоснованно используются как синонимы. На самом деле, идеология является более широким понятием. В этом смысле, антибольшевистское движение обладало идеологией, но, несомненно, не обладало доктриной. Отсутствие полноценной доктрины у контрреволюционного движения отмечали и сторонники, и противники, и внешние наблюдатели. Однако, если у большевистской идеологии к моменту гражданской войны за плечами было более 70 лет интенсивного развития, то идеология и доктрина контрреволюции формировалась в условиях оппозиции, затем в подполье, и, наконец, в условиях непрерывных боевых действий. Позиционирование себя как людей прямого подвига,

отрицание «книжников и болтунов» — не просто компонент белой идеологии, но и этап ее развития. В дальнейшем, в эмиграции, белое движение доктринально оформилось в идеологию фашистского типа. Аналогичный, потенциально фашистский, право-левый синтез мы наблюдаем у Габриеле Д'Аннунцио в Италии, у Лоуренса Аравийского, это очень похоже на то, что происходило у участников германских фрайкоров, у офицеров, собравшихся в Сегеде под руководством Миклоша Хорти, и во многих других точках, овеянных духом Первой мировой войны.

В идеологических системах, формировавшихся в «эпоху войн и революций», важнейшую роль играли герои и героизм в целом. В докладе **Андрея Савина** (ИИ СО РАН) утверждалось, что «история советского проекта может быть прочитана как героический эпос, где герои-богатыри мечом и оралом, кровью и потом создали новый удивительный мир». Однако в этом прочтении заключено существенное противоречие, так как большевики были в первую очередь марксистами, а одним из краеугольных для марксизма положений было то, что отдельно взятый человек способен в лучшем случае лишь чутко воспринимать и адекватно выражать потребности тех или иных слоев общества. Такое отношение к героям сохранилось и во время революции: считалось, что героизм мог быть только массовым. Именно в Гражданскую войну была заложена традиция награждения за подвиги коллективы трудящихся и воинские подразделения, а не отдельных людей. Однако на практике безликие коллективы плохо подходили на роль образца для подражания. Поэтому неудивительно, что сразу после революции в стране начал формироваться культ героев, причем в первую очередь павших. При этом первоначально культ героев-жертв развивался в достаточно жестких рамках. «Революция сверху» 1930-х гг. поставила перед руководством страны вопрос о внеэкономических методах стимулирования, необходимо было научиться задействовать моральные принципы. Замена парадигмы массового героизма на индивидуального героя способствовала личной позиции Сталина.

Сергей Крих (Омский государственный университет), построил свой доклад на анализе неопубликованной главы для коллективного труда по истории философии, написанной Ю.П. Францевым (1903–1969) в 1951 г. и посвященной становлению древневосточных идеологий. Особенности написания текста и использования концепта «идеология» в нем, проанализированные через общий контекст развития советской гуманитарной мысли к концу сталинского времени, позволяют увидеть, каким образом советский исторический нарратив пришел к наиболее ясному и логическому видению идеологии как инструмента анализа общественной мысли. Польза для современного обращения к этому сюжету заключается в том, что достижение этой точки унификации нарратива было опознано как тупиковое.

Концептуальный урожай «секции XX века» можно обобщить следующим образом. Идеология может быть распознана наряду с прочими даже у тех сообществ, где она существует в своей неэксплицированной форме. Противоречия и конкуренция дискурсивных потоков не мешают эффективному функционированию идеологических систем. Оформление идеологии происходит как «в формулах», так и «в образцах», принимая доктринальные и/или героические формы.

ВОССТАВШИЙ ИЗ ПЕПЛА

Нарратив 1990-х гг. пока еще в стадии собирания, хоть мы и должны рассказывать о нем школьникам и студентам, — так актуализировал свой подход **Михаил Пискунов** (Тюменский государственный университет). То, что происходило в нашей стране в 1990-х гг. плохо поддается теоретизированию в той сетке понятий, которая сегодня существует и была выработана на материале капиталистических обществ. Можно условно разделить огромное количество существующих тогда партий на два лагеря: либеральный и патриотический. Однако удивительно, что идентификация представителей того или иного лагеря строится «от противоположного». О том, что перед вами представитель патриотического лагеря, можно узнать по тому, что он очень не любит либералов и наоборот. Идеологические конфликты того времени подменяются войнами памяти.

Этот сюжет нашел продолжение в выступлении **Антон Иванеско** (Южный федеральный университет), посвященном конфликту национальных историографий на постсоветском Кавказе. Как отметил докладчик сегодня нередко, а в данном регионе по преимуществу, историописание оказывается одной из идеологических практик, а историческое высказывание — декларацией этнополитических приоритетов. Зависимость историков советского времени от коммунистической идеологии в постсоветский период на Кавказе сменилась зависимостью от этнонациональных идеологий и элит

Виктория Слугина (ИИ СО РАН) в своем историографически позиционированном докладе о современных исследованиях колонизации Сибири акцентировала внимание на возвращении в работах последних лет к терминам «идеология» и «идеологема», к реактуализации проблематики политико-идеологических оснований действий исторических акторов — например, царской власти и воеводской администрации. Она зафиксировала исследовательскую исчерпанность «прагматистских» подходов в изучении формирования русской колонизационной политики на сибирской окраине.

Итак, подводя итоги, можно отметить, что понятие идеологии в исследовательской практике последних лет, очевидно, обладает концептуальным потенциалом и представляет собой вполне эффективное мыслительное средство.

Во второй день работы симпозиума пришла горькая весть: 20 августа 2020 г. скончался выдающийся польский исследователь, самый знаменитый польский российский, оригинальный и более чем глубокий мыслитель профессор Анджей Валицкий. Об этом сообщил член программного комитета симпозиума, ученик и друг покойного, профессор Анджей де Лазари.

Андрей Зорин следующим образом подвел итоги симпозиума: «Об успешности идеологии невозможно судить с точки зрения ее уникальности, глубины, последовательности. Все критерии, которые мы примеряем к доктрине и учению, для идеологии не работают. Успешность идеологии определяется эффективностью и

тем, насколько успешно она втягивает людей, которым предназначена. Поэтому, возможно, изучение потребления идеологии важнее изучения ее производства. Что она делает с людьми, как влияет, как работает в реальном историческом, политическом пространстве? Поэтому особенно интересно было слушать “практические” доклады».

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Крих С.Б. «Смерть» дискуссий в постсоветской историографии: история древнего мира // *Университетская корпорация: память, идентичность, практики консолидации. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием, посвященной 210-й годовщине основания Казанского университета.* Казань: Яз, 2014. С. 204–208.

Зорин А.Л. Кормя двуглавого орла... Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII–первой трети XIX века. М.: НЛО, 2001. 414 с.

Хмылев В.Л. Концепт идеологии и его интеграция в современную эпоху // *Известия Томского политехнического университета.* 2006. Т. 309. № 5. С. 206–211.

REFERENCES

Krikh S.B. “Smert” diskussiy v postsovetskoy istoriografii: istoriya drevnego mira [“Death” of Discussions in Post-Soviet Historiography: History of the Ancient World], in *Universitetskaya korporatsiya: pamyat’, identichnost’, praktiki konsolidatsii. Materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiyem, posvyashchennoy 210-y godovshchine osnovaniya Kazanskogo universiteta* [University Corporation: Memory, Identity, Consolidation Practices. Materials of the Russian scientific conference with international participation, dedicated to the 210th anniversary of the founding of Kazan University]. Kazan’: YAz, 2014. Pp. 204–208.

Zorin A.L. *Kormya dvuglavogo orla... Russkaya literatura i gosudarstvennaya ideologiya v posledney treti XVIII–pervoy treti XIX veka* [Feeding the two-headed eagle... Russian literature and state ideology in the last third of the 18th–first third of the 19th centuries]. M.: NLO, 2001. 414 p.

Khmylev V.L. Kontsept ideologii i yego integratsiya v sovremennuyu epokhu [Concept of ideology and its integration in the modern era], in *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta.* 2006. T. 309. № 5. Pp. 206–211.